

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И БУДУЩЕЕ КУЛЬТУРЫ

Чтобы подойти к этой сложной теме и предоставить собственное обоснованное предсказание возможных будущих событий в отношениях между культурами и внутри культур, мы считаем необходимым сначала дать краткое введение для лучшего понимания текущей «культурной ситуации». Ее часто обозначают разными терминами, такими как «постпостмодернизм», «глобализованная» или «культура конвергенции» или «культура конфликта» двух подходов — однополярного подхода и противостоящих ему национальных подходов.

В основе этой ситуации лежит «борьба за смысл», которая на самом деле несет в себе борьбу за ценности, истинные основы каждой культуры. Бурное развитие коммуникационных технологий, сначала в границах пространств, определяемых национальными государствами, а с 1970-х годов и далее, за пределами государственных границ, с созданием первых транснациональных СМИ, вместо заявленной возможности более легко и быстро узнавать о «других и отличающихся», расширять поле понимания различий и принимать их существование, с последующим критическим переосмыслением собственной идентичности и ее позитивной надстройки, на практике привело к гомогенизации с точки зрения ценностей и, как следствие, к более прочному утверждению бинарностей и отторжению того, что не принадлежит доминирующему дискурсу. В основе этого результата, по нашему мнению, лежит логика Просвещения, основанная на эволюционизме, и предполагаемые «рациональные» степени в предполагаемом «прогессе» от отсталости к прогрессивности, который установился на ранних этапах модернизма.

Эпоха модернизма, в честь которой и был назван процесс модернизации, повлекла за собой кардинальные изменения в образе жизни людей и народов. Наряду с «изменением мира» происходило более или менее систематизированное и поощряемое изменение «мировоззрения». С промышленной революцией, которая выдвинула на первый план новые производственные отношения, новые потребительские привычки, новый опыт повседневного времени и новые ориентации относительно роли человека в мире и того, на что он может надеяться в нем, «традиционное», как по определению склонное к сопротивлению изменениям, из своего ранее принятого положения «в себе» помещается в негативную инаковость, которую в лучшем случае следует терпеть, если она не препятствует дальнейшему, якобы вечному пути к прогрессу.

Или, с другой стороны, «традиционное» рассматривалось как нечто, что необходимо «преодолеть», с чем следует бороться, разрушая предрассудки, искореняя «мистическое» мышление, «иррациональность» обычаев и устоявшихся общественных отношений. В представленном смысле традиционализм как более широкая система ценностей перестал быть самоцелью, но стал рассматриваться как субъект, пригодный для «просвещения», для инструментализации в пользу других, централизованных систем ценностей. Результатом Просвещения стало либо закрепление отдельных элементов в порядке вновь возникающих канонов «национальных традиций», либо их отторжение. Поэтому, в полном соответствии с современным пониманием роли государства и причины его создания, традиционные ценности становятся либо характеристикой национальности, либо характеристикой «отсталости».

Глобализация представляет собой ипостась вышеупомянутого процесса. Проект эволюционной «модернизации», как уже сложившийся путь, по

которому необходимо идти на пути от «отсталости» к «развитию», окончательно утвердился во второй половине XX века, распространившись на номинально «деколонизированные» новые страны «третьего мира». Переход от деревень к городам, от больших семейных общин к разрозненным, от неграмотности к бюрократически управляемому образованию — все это привело не только к экономическим, но и к более широким культурным преобразованиям. Отдельные личности и группы людей отрываются от локальной новизны и все больше интегрируются в глобальные тенденции. В этом процессе не только стало «устаревшим» оставаться скрытым, но и, учитывая вышеупомянутое быстрое развитие коммуникационных технологий за последние четыре десятилетия, «скрытие» стало практически невозможным.

Можем ли мы в нынешней «культурной ситуации» говорить о единой глобальной культуре? Мы бы сказали, что ответ — да, особенно если сосредоточиться на перспективе городских центров, так называемых «глобальные города», которые с точки зрения социальных практик, существующих в них, на удивление в меньшей степени отличаются друг от друга, чем от сельских районов своих стран. Даже этимологически термин «гражданин мира» объединяет в себе обе концепции. Неудивительно, что они являются носителями глобалистского духа, и что «гражданская» идеология, внешне столь терпимая к различиям, хотя и понимающая их в глобальном, «прогрессивном» ключе, в то же время в глубине своей крайне исключительна по отношению к «ретроградным» традиционализмам из культурной среды их собственного окружения.

Чтобы наконец подойти к самой теме данного выступления, а именно к взаимосвязи традиционных ценностей и будущего культуры, важно отметить структурные политические и экономические факторы на рубеже XX и XXI веков. Трагический крах социалистического блока еще больше открыл путь для

крайне централизованного и одностороннего распространения культурного влияния коллективного Запада как во «втором», так и в «третьем мире». Экономическая динамика миграции капитала и расширения рынка по сути обусловила еще одну необходимость — формирование одинаковых потребительских вкусов. Ценность, а значит и культурная перспектива личности в эпоху глобализованного капитализма все больше определяются ее собственной идентификацией через продукты и услуги, которые предположительно удовлетворяют индивидуальные потребности. Несмотря на то, что выявленные потребности на самом деле носят массовый характер.

Учитывая все вышесказанное, добавим также несколько замечаний относительно влияния международных политических отношений, в более узком смысле, на предмет настоящего выступления. Безудержная экономическая кампания западных компаний на передовой фронта глобализации, при материально-технической поддержке их государственного и неправительственного секторов, а также в ситуации практически монополизированной военной мощи (НАТО), создала в умах многих интеллектуалов впечатление «конца истории». В то время как в практике «переходных» народов это приводило к разрушению их собственной субъективности в ходе истории, мало кто противостоял силе этой, выражаясь культурно, «главной волны». В конце концов, такое противодействие, как правило, влекло за собой эпитет «народа-изгоя», изгнание из западно-гегемонистской структуры международной экономики и политики, а в случаях длительного упорства даже риск применения грубой силы, по сценарию некоторых «гуманитарных военных интервенций» (таких как агрессия против Югославии в 1999 г., Афганистана в 2001 г., Ирака в 2003 г.).

Однополярная глобализация повлияла на утрату традиционных ценностей несколькими способами: через экономические, культурные и

политические механизмы. Контент средств массовой информации пропагандировал индивидуализм, потребительство и секуляризм, которые заменили коллективные традиции во всем мире, одновременно угрожая местным языкам как основе идентичности и навязывая английский язык в качестве общего стандарта. Неолиберальная экономическая модель требовала полного открытия внутренних рынков для «макдональдизации» — стандартизированных продуктов с «наименьшим общим знаменателем», что на практике фактически означало копирование существующих западных брендов и их агрессивное продвижение в ущерб разнообразию местных потребительских привычек. В области социальных структур велась работа по перегруппировке ценностей — от коллективизма к индивидуализму, в результате чего традиционные сообщества, основанные на семейных, родовых и обычных связях, утратили свое значение (что также проявилось в радикальном изменении восприятия гендерных ролей, т. е. гендерных норм и идентичностей). Глобализация также оказала сильное влияние на секуляризацию повседневной жизни, ее поворот в сторону материализма и личного экономического благополучия, что сопровождалось своего рода коммерциализацией духовности через «Нью Эйдж» и подобные движения и практики (в которых, возможно, когда-то подлинные «восточные верования» начали продаваться как товар). В то же время с экологической точки зрения часто происходило катастрофическое уничтожение природных ресурсов в результате ориентированной на прибыль, неумеренной эксплуатации ради глобального потребления, что полностью изменяло окружающую среду, от которой зависели традиционные общества.

Однако указанные процессы не во всех сообществах протекали линейно и с одинаковой интенсивностью. Некоторые сообщества ответили различными «гибридизациями» — адаптациями местных обычаев к требованиям новой,

«глобальной культуры», а в некоторых в качестве реакции возникла радикальная «ретрадиционализация» (подходящими примерами которой являются фундаменталистские движения, а также национализмы, стремящиеся к альтернативным, часто мистическим, интерпретациям истории и роли собственного народа в ней). Однако дисбаланс сил между глобальным Севером и Югом был и остается ключевым препятствием на пути сохранения разнообразия. Развитие многосторонности и, следовательно, мультикультурализма, основанного на прочных политических основах (как альтернатива номинальному «мультикультурализму» в западных либеральных экономиках, который на самом деле служил лишь простым инструментом для оправдания «импорта рабочей силы» в соответствии с потребностями внутреннего капитала), может стать маяком для возможного возрождения местных культур в будущем.

Начало эрозии однополярной международной системы стало ощущаться с резким падением репутации США после агрессий в Афганистане и Ираке (что также привело к первому крупному разногласию в западном военно-экономическом блоке, когда Франция и Германия воздержались от участия). И эта тенденция продолжилась в течение первого десятилетия XXI века с экономическим ростом Китая и восстановлением России, что на практике означало все более серьезное создание альтернативных центров силы. Финансовый кризис 2008 года еще больше ослабил экономическое влияние Запада и ускорил процесс «многосторонней координации» путем создания БРИКС и продвижения собственных экономических и политических моделей, независимых от Запада (включая формирование совместного «Нового банка развития»).

Возвращение Крыма в состав России (2014 г.) и инициатива Китая «Один пояс, один путь» (2013 г.) ясно указали на то, что эти две восходящие державы

намерены пересмотреть геополитические границы и расширить международные экономические потоки, одновременно еще больше раздробив гегемонистскую власть Запада. Фрагментация власти привела к переосмыслению глобальных культурных потоков. Китайские платформы, такие как TikTok или российские СМИ (RT), создают альтернативные каналы информации, снижая доминирование западных СМИ и продвигаемых ими сильно идеологически окрашенных образов мира, а также английского языка как единственного универсального. Поэтому переход к многополярному миру предполагает не только перераспределение «жесткой» (экономической и военной) власти, но и борьбу за «смысл», то есть переосмысление доминирующих ценностей. В то время как однополярная глобализация тяготела к гомогенизации, многополярность, по крайней мере номинально, открывает пространство для плюрализма, который, если рассматривать его с точки зрения политического реализма, также может привести к новым разногласиям и конфликтам (при отсутствии единого суверенного «Левиафана»). Конкуренция между державами может привести к культурному и экономическому изоляционизму (хорошим примером является нынешняя политика культурной ретрадиционализации, а также введение торговых барьеров, проводимая администрацией Трампа в США). А также открытые войны, примером которых является геополитический конфликт на Украине.

Главной задачей станет поиск баланса между сохранением аутентичности и наведением мостов между различными цивилизациями. Усиление влияния БРИКС может способствовать сохранению традиционных ценностей в будущем посредством множественных механизмов, предлагая ответ на однополярную культурную глобализацию. Расширение прав и возможностей глобального Юга позволяет обеспечить более надежную защиту от культурного империализма и диверсификацию культурных нарративов. Это

также достигается с помощью экономических моделей, которые поддерживают «местное» и подчеркивают важность суверенитета и самодостаточности.

Это поддерживают и финансовые институты БРИКС, которые, в отличие от МВФ и Всемирного банка, не выдвигают условий, направленных на дерегулирование и культурную ассимиляцию. Хотя те же принципы, сосредоточенные на идее о том, что различные культуры могут сосуществовать, не доминируя одна над другой, можно увидеть и в работе Шанхайской организации сотрудничества. Следует иметь в виду, что страны БРИКС обладают обширным опытом управления культурным разнообразием, поскольку в каждой из них проживает множество этнических групп (например, в Индии насчитывается до 22 официальных языков), что может служить дорожной картой на пути к лучшей глобальной инклюзивности. Усилия России и Южной Африки по развитию образования на родном языке, включая увеличение инвестиций в «мягкую силу», создание продуктов культурной индустрии и их размещение на внутреннем и внешнем рынках, могут вдохновить другие страны присоединиться к процессу, который уже идет полным ходом.

Однако нельзя упускать из виду тот факт, что внутри нынешних и будущих стран БРИКС мы можем столкнуться с многочисленными внутренними противоречиями, часть из которых мы упомянули во вступительной части текста. Например, городской средний класс часто отвергает саму традицию и находится под сильным влиянием западного мировоззрения, которое настолько укоренилось, что представляет собой «единственную прогрессивную истину» и интерпретируемый фактор идентичности. Представляется, что ответ на эту тенденцию следует искать прежде всего в реформах системы образования.

В любом случае, если мультикультурализм направлен на равноправный обмен, а не на создание новых форм господства, он может привести к ключевым предпосылкам для сохранения традиционных ценностей. В будущем успех будет зависеть от того, построят ли восходящие державы инклюзивную многополярность или повторят ошибки западной глобализации.